

Время выполнения заданий – 120 минут

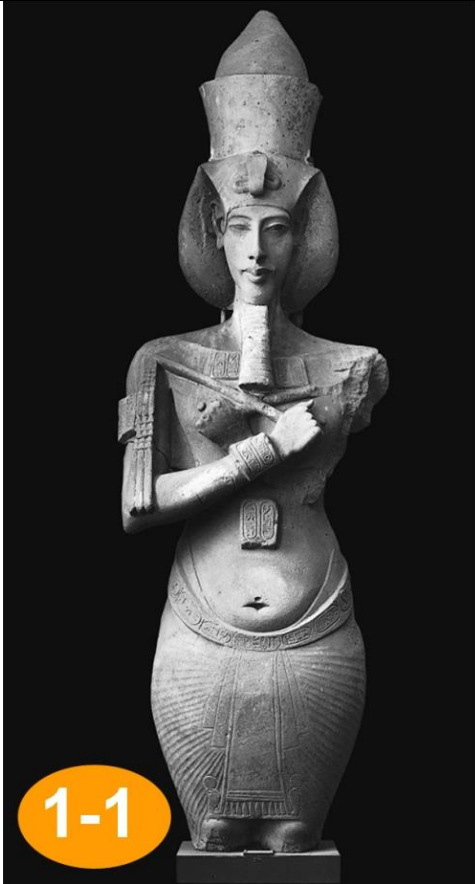
Максимальное количество баллов – 100

Пишите разборчиво. Кроме ответов на вопросы в работе не должно быть никаких пометок. При отсутствии ответа ставьте прочерк.

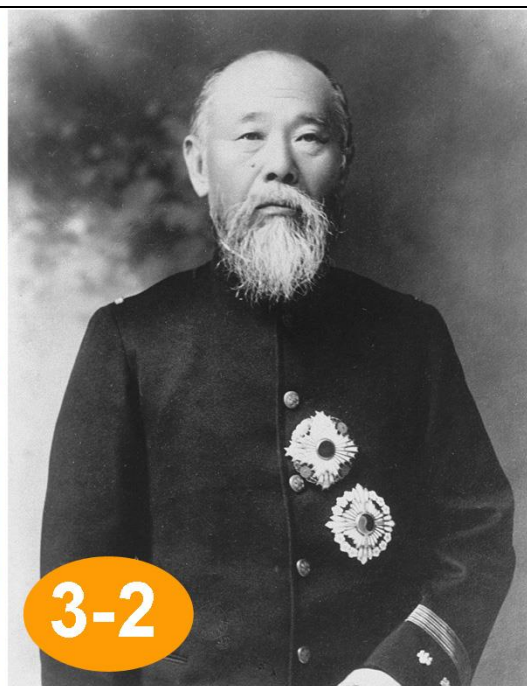
Часть I (60 баллов)

Работа с изобразительными источниками

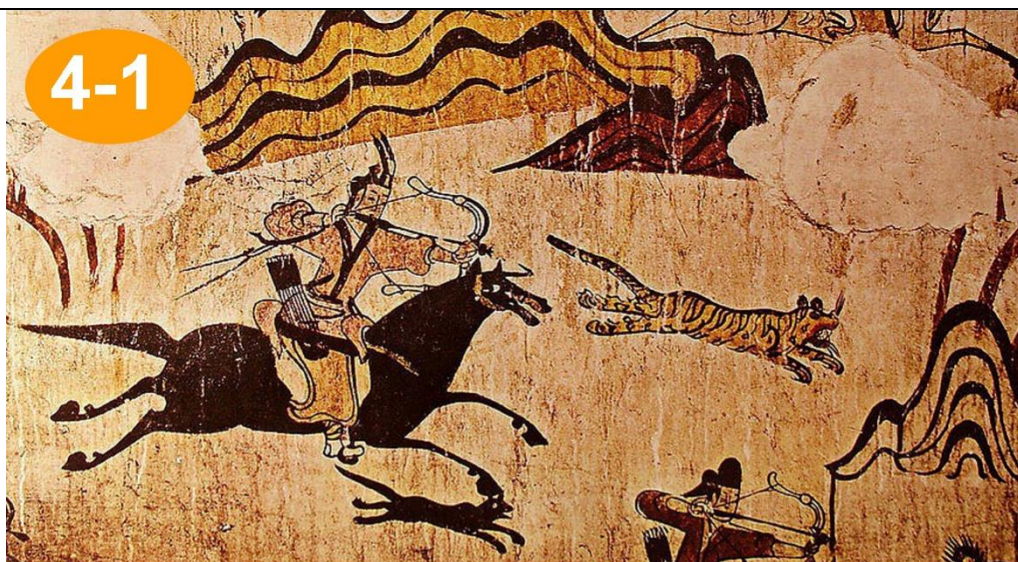
1.1. Укажите для каждой из пар изображений, по какому принципу они объединены. Кратко обоснуйте свой выбор (Максимум – 20 баллов)

1)	 1-1	 1-2
2)	 2-1	 2-2

3)

4)

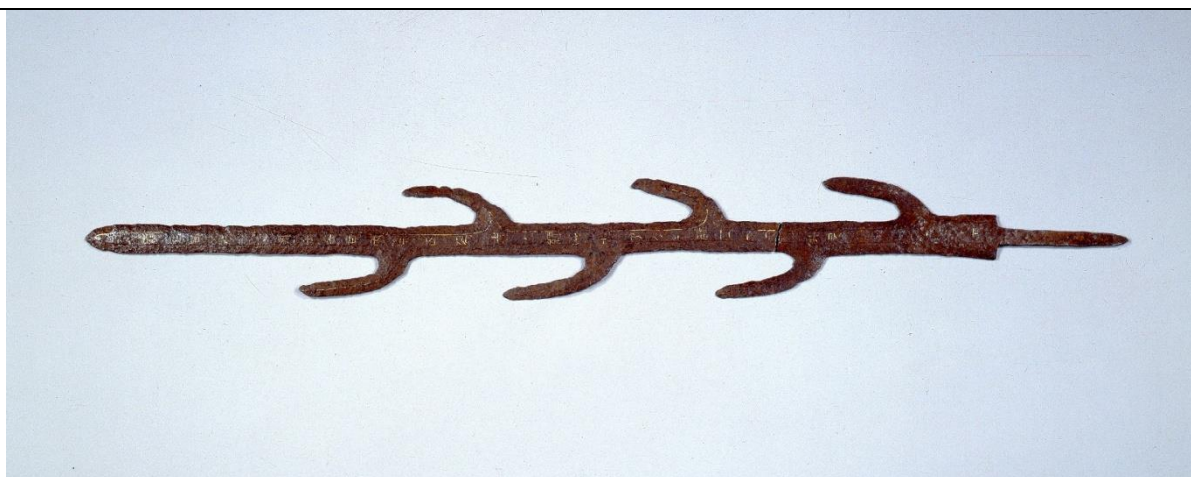

1.2. Подберите для каждой пары изображений третье из предложенных ниже. Ответ запишите в виде последовательности цифры, соответствующей парному изображению и буквы, соответствующей одиночному. Например: 1А. Кратко объясните свой выбор третьего изображения (Максимум – 20 баллов)

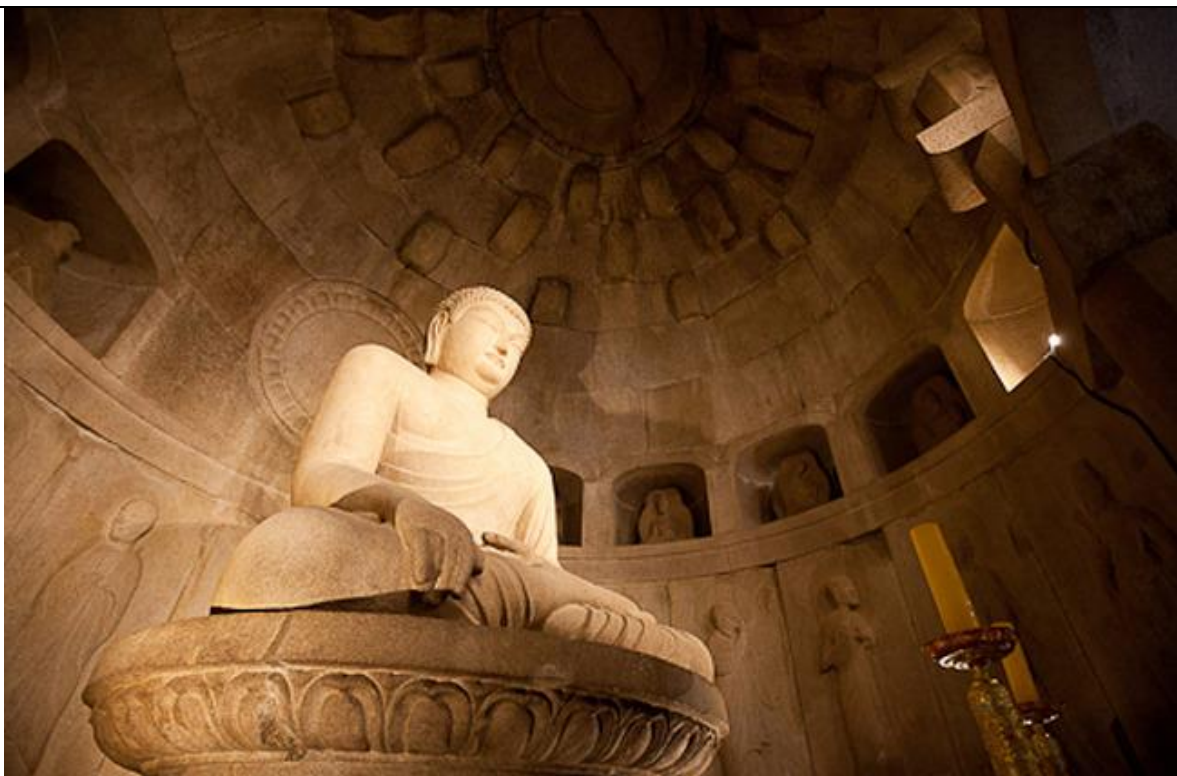
А.

Б.

В.

Г.

Д.

1.3. Какая из тенденций, выявленных в связях изображений Части I, на Ваш взгляд оказала наибольшее влияние на современное состояние стран и обществ Востока и почему? (Максимум – 20 баллов)

Часть II (40 баллов)

Понимание научного текста

2.1. Прочитайте предлагаемые фрагменты текста научной статьи С.В.Чугрова «Анти-«нихондзинрон», или новые мифы об уникальности японской политической культуры» (текст воспроизводится по изданию: Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты / Ассоциация японоведов. – М. : Вост. лит., 2009. – С. 218–244)

Японский взгляд на характеристики азиатской идентичности

Насколько уникальна Япония с точки зрения азиатских реалий? Для того чтобы определить, действительно ли Япония кардинально отличается от стран Восточной Азии, рассмотрим точку зрения современной японской гуманитарной науки на азиатскую идентичность. Исследованию характерных черт азиатского этоса много усилий посвятил профессор университета Аояма гакуин Х. Сакамото. По мнению японского исследователя, суть этоса Восточной Азии составляет гармония целого в противоположность европейскому индивидуализму. Азиатское мировоззрение имеет следующие отличительные черты.

Во-первых, для жителей Восточной Азии большее значение имеют общая гармония и социальный порядок, нежели индивидуальные интересы и личное достоинство. Эта гармония достигается посредством придания людям социальных ролей и выполнения ими (индивидами, группами, сообществами) соответствующих обязанностей. Особенности такого порядка зависят от каждой данной социальной системы и от конкретного времени. При этом люди могут и пользоваться благами гармонии и порядка, и вести свою частную жизнь. Иными словами, гармония означает не только отсутствие конфликтов, но и душевное спокойствие.

Во-вторых, этика и социальная справедливость интерпретируются в Восточной Азии реалистически, например как «технологии социальной настройки». Здесь отсутствуют абсолютный бог, категорический императив, свободная воля или автономия. На этом мировоззрении базируются идеи добра и справедливости, предписания контролировать свое поведение ради достижения социального мира. Каждый этический и моральный кодекс соотносится со временем и местом, поэтому практически отсутствует почва для идей «универсальности» и «фундаментальных прав человека».

В-третьих, во всех азиатских системах мысли присутствует натурализм. В соответствии с ним неприродные, искусственные человеческие действия непосредственно включены в природу как ее части, и границы между природным и искусственным всегда размыты. В глубинах восточноазиатского мышления и образа жизни нет противоречия между природой и человеком, субъектом и объектом. Также хорошо известно, что азиатский способ мышления не приемлет дихотомию сознания и тела.

В-четвертых, народы Восточной Азии не склонны стремиться к какой бы то ни было неизменности и вечности. Буддийское мировоззрение предполагает, что все вещи изменчивы и нет ничего постоянного. В противоположность этому западная культура всегда ищет инвариантное и вечное, которое остается неизменным, проходя через любые изменения. Так, различные «консервативные законы» были установлены в истории естествознания (например, закон сохранения энергии). Аналогичным образом западная философия выработала представление об индивидуальной идентичности, которая остается неизменной, несмотря на все возможные изменения. Эта идея инвариантности чужда традиционному азиатскому этосу. В этом одно из фундаментальных различий между азиатским и западным видением природы и человекаⁱ.

Восточноазиатский взгляд на природу также исторически отличен от европейского. Природа — это не то, что должно быть подчинено, а то, с чем надо сосуществовать. Короче говоря, восточноазиатский способ мышления холистический в отличие от европейского индивидуалистического. Поэтому, с точки зрения Сакамото, народы Восточной Азии придают большую ценность благополучию всего сообщества, к которому они принадлежат, чем своим индивидуальным интересамⁱⁱ.

Как мы увидим далее, большинство этих черт характерны для японцев (с поправкой на вестернизацию). Именно в этом смысле можно с осторожностью говорить об уникальности социокультурной сущности современных японцев, отличной от идентичности, восходящей к «теориям о японцах».

Торжество и закат «теорий о японцах»

Три интернационализации Японии (эпоха Мэйдзи, годы после Второй мировой войны и период глобализации) были определенными прорывами в стремлении Японии упрочить свою идентичность. <...> Есть одна сквозная линия попыток нации обсудить большие вопросы своей идентичности, которая связывает все три интернационализации. Это интеллектуальный дискурс, основанный на идее уникальности японской идентичности и получивший название «нихондзин рон», зародившийся в эпоху Мэйдзи, приобретший более-менее ясные формы в 1930-х годах, достигший расцвета в 1960–1970-х годах и начавший увядать в 1980-х. <...>.

По свидетельству Кэрол Глюк, для японской публицистики стало стандартом изображать Японию как в высшей степени специфичную, даже уникальную странуⁱⁱⁱ. Можно во многом согласиться с мнением американской исследовательницы и журналистки. Эта навязчивая тень мышления в духе «нихондзин рон» еще присутствует (правда, в небольшой мере) в японском самовосприятии. По инерции средства массовой информации США и других стран продолжают делать акцент на «уникальности» Японии, и симптом «особости» постепенно прочно закрепился и у японцев, и во многих зарубежных странах. (Как известно, каждая нация по-своему уникальна.) <...> стремление к интенсивному осмысливанию своей самобытности очень характерно для нации, желающей подкрепить свою идентичность. То есть популярность «нихондзин рон» отражает остроту переживания национального чувства, стремления нации найти и четко обозначить свою идентичность. Это характерная особенность японского национального характера: в принципе людям нет необходимости глубоко задумываться о своей идентичности. Она как воздух, который редко замечают.

В «теориях о японцах» много привлекательного в силу их своеобразного романтизма и даже нарциссизма. Суть состояла в том, что японское общество провозглашалось цельным и гармоничным и утверждалось, что все (или почти все японцы) обладают единым национальным характером. Как утверждают современные японские критики «нихондзин рон», были в этих теориях и элементы восточного расизма — западное общество объявлялось пропитанным самовлюбленным индивидуализмом, декадансом и нетерпимостью^{iv}.<...>

Политическая подноготная «нихондзин рон» обозначилась более явно в 1950-х годах, когда американцы фактически объявили Японию образцом модернизации — в противовес Китаю и другим социалистическим странам. Именно тогда традиционные ценности «японской модели» — группизм, система «пожизненного найма», повышение зарплаты в зависимости от возраста, «фирменные профсоюзы» и т.д. получили на Западе положительную оценку. Это отношение однозначно оформилось к концу 1960-х годов, когда японская экономика испытала колоссальный взлет, названный «японским чудом».

Другая крупная веха в литературе «нихондзин рон» — книга исследовательницы-антрополога Тиэ Наканэ «Межличностные отношения в вертикально структурированном обществе» (1967 г.). В блестящей работе воспеваются группизм и вертикальная структура общества как альфа и омега японской системы ценностей.

«Теории о японцах» удивительно быстро вестернизировались, порой, удивительным образом. Причем японские исследователи всячески подыгрывали этой интернационализации идеологии <...> Мода на «нихондзин рон» на Западе выразилась, например, в голливудской продукции — в парадоксальном сочетании атрибутов японского традиционализма (гейши, самураи, каратэ, ниндзя) с достижениями хай-технологии в фильмах «Bladerunner» («Бегущий по лезвию бритвы»), «Black Rain» («Черный дождь»), «То Kill Bill» («Убить Билла») и множестве других. Таким образом, «нихондзин рон» — это и явление межкультурной коммуникации.

Поток книг о «нихондзин рон» стал иссякать лишь в 1980-х годах. Во-первых, позиции Японии в мире укрепились, и ей уже не надо было постоянно и навязчиво напоминать о своей уникальности^v. Во-вторых, эстафету перехватило правительство, во многом переориентировав эту отныне официальную идеологию на экспорт.

Здесь мы явственно видим, как идеология переплетается с политикой. «Теории о японцах» получили правительственную поддержку. Власти открыли несколько исследовательских центров, чтобы дозированно распространять в мире «правильный имидж» страны. Например, в 1979 г. премьер-министр Масаёси Охира дал старт программе «Бунка-но дзидай» («Эпоха культуры»), целью которой была поддержка традиционных ценностей, оказавшихся чуть ли не на грани размыwania из-за ускоренной модернизации. В тех же целях проникновения в тайны «японской сущности» Ясухиро Накасонэ основал в 1986 г. в Киото Международный центр японских исследований.

На Западе получили распространение призывы заимствовать японский опыт («Japan as Number One» Эзры Вогела). Хотя теории японской исключительности порой получали отпор, вызванный опасениями безудержного экономического наступления Страны восходящего солнца. В это же время власти США стали все более настойчиво обвинять Японию в том, что она оправдывает своей уникальностью «нечестные методы» ведения торговых переговоров. <...> Парадоксально, что имидж Японии на Западе опирался в значительной мере на представления японцев о себе^{vi}. Хотя верно и то, что японский автостереотип («самоимидж») формировался не без влияния западного этноцентризма и США как «значимого другого». <...>

Одним из ярких примеров попыток возродить дискурс в духе «нихондзин рон» стала книга писателя и правого политика, бывшего мэра Токио Синтаро Исихары «Япония, которая может сказать „нет“»^{vii}, выход которой ознаменовал переход страны от оправданий к претензиям на то, чтобы стать «первой среди равных». В ней рассказывается о таких национальных чертах японцев, как трудолюбие, самоотверженность и сдержанность. Другой известный писатель и публицист консервативного толка Рютаро Сиба (1923–1996) призывал к возрождению ценностей эпохи Мэйдзи для решения проблем, с которыми Япония сталкивается в условиях глобализации. Дух эпохи Мэйдзи, который помог японцам в XIX в. избежать колонизации и построить конкурентоспособное государство, по его мнению, сформировался благодаря соединению самурайских этических принципов с западными ценностями свободы и независимости^{viii}. <...>

Таким образом, «теории о японцах» сыграли не только беспрецедентную роль в формировании современной идентичности японцев, но и были политическим и экономическим оружием. Тем не менее, ставшие проявляться в 1990-х годах признаки надвигающейся глобализации отодвинули на задний план дискуссии о японской уникальности. Кроме того, Япония стала чувствовать себя гораздо увереннее на международной арене, и необходимость в постоянном доказывании своей уникальной идентичности исчезла. Начался новый этап интернационализации, который внес серьезные поправки в самоидентификацию японцев. Ниже мы подробно проанализируем, как трансформировалась японская идентичность под натиском глобализации.

Примечания

ⁱ Sakamoto H. Globalization of Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology. — East Asian Culture Seminar “Globalization and East Asian Culture”. Honolulu, December 5–6, 2003. Tokyo, 2003, p. 15–16.

ⁱⁱ Ibid., p. 15.

ⁱⁱⁱ Вараварэру нихондзин (Japan Made in USA). Нью-Йорк–Токио, 1998, с. 77.

^{iv} Iwabuchi K. Complicit Exoticism: Japan and Its Other. — Continuum: The Australian Journal of Media and Culture. 1994, vol. 8, № 2, p. 5 (www.murdoch.edu.au/ReadingRoom)

^v Iwabuchi K. Op.cit., p. 8.

^{vi} Glazer N. From Ruth Benedict to Herman Kahn: The Postwar Japanese Image in the American Mind. — Mutual Images: Essays in American Japanese Relations. Ed. by A. Irie. Cambridge (MA), 1975, p. 66.

^{vii} См.: Ishihara S. The Japan That Can Say No!: Why Japan will Be First Among Equals. N. Y., 1999.

^{viii} См.: Сиба Р. Мэйдзи то ю кокка (Государство Мэйдзи). Т. 1–2. Токио, 1994.

2.2. Содержится ли в тексте информация об отношении автора к идее уникальности Японии? Если да, то, какое это отношение? Обоснуйте свой ответ (Максимум – 10 баллов)

2.3. Наличествуют ли в данном тексте научные проблемы - и если да, то какие? Обоснуйте свой ответ (Максимум – 10 баллов)

2.4. Является ли основная проблема текста характерной только для японоведения? Приведите примеры схожих проблем в изучении иных регионов и обществ Востока или обоснуйте их отсутствие (Максимум – 20 баллов)

